

Он поднялся, и прежняя хмурая пелена в его глазах рассеялась, уступив место улыбке, столь свойственной прежнему владельцу тела:

— Пора, пришло время сводить счета.

Съемки возобновились.

Е Цинцзэ, в ушах которого всё ещё звучали наставления агента, на мгновение потерял концентрацию. Впрочем, в этот раз он не стал чинить препятствий и, как того требовал сценарий, изящно, словно дельфин, нырнул в воду.

Внезапно чья-то мощная рука с силой потянула его на глубину.

Е Цинцзэ широко распахнул глаза, собираясь позвать на помощь, но лишь захлебнулся водой, отчего его лицо мгновенно побагровело.

Инстинктивно он попытался ухватиться за что-то рядом и, подняв голову, встретился взглядом с парой темных глаз.

Эти глаза, холодные и бездонные, казались вратами ада, из которых поднимался черный туман.

— Нравится издеваться над людьми?

Хозяин этого взгляда слегка изогнул алые губы в ослепительной, почти хищной улыбке.

— Кажется, это и правда забавно.

Он схватил Е Цинцзэ за голову и с силой вдавил в воду.

Задыхаясь, Е Цинцзэ в ужасе смотрел на Шань Ли, чувствуя, как от ледяного страха немеет всё тело.

Когда он пришел в себя, то уже был в больнице.

Е Цинцзэ тяжело дышал, глядя в пустоту. На все вопросы агента он лишь качал головой, повторяя, что ничего не помнит.

Наступила ночь.

Когда Чу Тяньцзэ вернулся на виллу, в холле горел свет. Он машинально бросил взгляд на пустой диван, и его глаза потемнели.

Поднявшись наверх, он отворил дверь в комнату Шань Ли и увидел его лежащим на кровати: лицо юноши было бледным, а во всем облике читалась невыносимая усталость.

Чу Тяньцзэ невольно вспомнил то, что видел днем.

Приехав вместе с помощником на съемочную площадку, в которую инвестировала его компания, он неожиданно заметил Шань Ли. Тот сидел в воде, выставив наружу лишь макушку, а его влажные глаза напоминали взгляд загнанного зверька.

Было очевидно, что над ним намеренно издевались.

Чу Тяньцзэ мог бы вмешаться, но не стал. Он предпочел остаться сторонним наблюдателем, с ледяным равнодушием глядя, как Шань Ли снова и снова прыгает в воду, доходя до полного изнеможения.

Стоявший за его спиной помощник, знавший о непростых отношениях между боссом и Шань Ли, нерешительно произнес:

— Господин, если вам неудобно вмешиваться, позвольте мне сделать это за вас.

Чу Тяньцзэ лишь бросил холодный, пронзительный взгляд:

— Не нужно.

Он хотел знать, сломается ли Шань Ли, согласится ли он стать послушным питомцем под его крылом.

...

Чу Тяньцзэ прищурился. Его крупная ладонь сжала подбородок Шань Ли. Он надавил чуть сильнее, и на нежной коже тут же проступили синяки.

Шань Ли вскрикнул от боли и открыл глаза. Теперь в его взгляде не было прежней мягкости и обожания — лишь настороженность, как при встрече с чужаком.

Эта неприкрытая подозрительность больно ударила по самолюбию Чу Тяньцзэ, вызвав прилив необъяснимого гнева:

— Тебе нечего мне сказать?

Шань Ли отвернулся:

— Нет. У меня был отличный день.

Его публично унизили и едва не утопили, а он называет это отличным днем?

Чу Тяньцзэ усмехнулся и, выпрямившись, посмотрел на него сверху вниз:

— Угадай, что я сегодня видел?

Он бросил на кровать фотографию. На ней был запечатлен бледный, беспомощный Шань Ли, тонущий в воде.

Губы Шань Ли дрогнули. Он взял снимок, долго рассматривал его, а затем вдруг поднял глаза на Чу Тяньцзэ. Посмотрев на него некоторое время, он снова опустил голову и спрятал лицо в коленях.

Этот взгляд заставил сердце Чу Тяньцзэ сжаться. Нахмурившись, он хотел спросить, что это значило, но услышал тихий шепот Шань Ли:

— Значит, ты был там... — Шань Ли поднял голову, и в его глазах, покрасневших от слёз, читалась обида. — И просто смотрел?

— Ты мог бы попросить меня, — холодно ответил Чу Тяньцзэ. — Стоит тебе признать, что ты лишь мой содержанец, и я гарантирую, что тот актер, который тебя обидел, вылетит из шоу-бизнеса навсегда.

Возможно, именно так и рассуждают хозяева жизни: одним словом ломать чужие судьбы и считать, что мимолетная подачка заставит другого ползать в ногах от благодарности.

Но Шань Ли это было не нужно. Подобное предложение казалось ему дешевым и уродливым.

Губы Шань Ли задрожали, и впервые он проявил твердость:

— Прости, мне это не нужно!

Чу Тяньцзэ замер. Он не ожидал, что его доброту так отвергнут. Его глаза потемнели от ярости:

— Что ты сказал?

— Я сказал, что мне это не нужно! — Шань Ли упрямо смотрел на него. — Я сам могу решить свои проблемы! Я лишь хочу, чтобы наши отношения не строились на выгоде. А теперь, пожалуйста, уходи. Нам обоим нужно остыть... М-м!

Не успел он договорить, как Чу Тяньцзэ с грубой силой толкнул его на кровать.

Жаркое проникновение, словно огненный змей, не знало границ, жадно поглощая всё вокруг. Шань Ли едва мог дышать...

Шань Ли пытался оттолкнуть Чу Тяньцзэ, но тот, словно выплескивая всю накопившуюся ярость, крепко прижал его к себе, не давая ни малейшего шанса на сопротивление.

Чу Тяньцзэ был невероятно жесток, и вскоре на теле Шань Ли не осталось живого места от синяков.

И когда Чу Тяньцзэ собрался продолжить, раздался резкий звук — это Шань Ли ударил его по лицу.

Сразу после удара он испугался мрачного взгляда Чу Тяньцзэ, отступил на шаг и прошептал:

— Если хочешь закончить эти отношения, я не против.

Не против?

Чу Тяньцзэ был в ярости. Он не понимал, почему так остро реагирует, но в голове билась лишь одна мысль: он ни за что не позволит Шань Ли уйти!

Сжав кулаки так, что захрустели суставы, он процедил с жестокой усмешкой:

— Уйти? Ты готов выплатить тридцать миллионов долларов неустойки за разрыв контракта?

Когда Чу Тяньцзэ подсунул ему договор на содержание, Шань Ли, ослепленный болью и унижением, не вчитывался в пункты. Теперь, услышав о штрафе, он почувствовал, будто на него обрушился гром среди ясного неба.

Тридцать миллионов долларов! Даже если он продаст все свои органы, этой суммы не набрать!

Лицо Шань Ли мгновенно стало блее мела. Его начало колотить от холода, и он сжался в комок.

Вид его беспомощности доставил Чу Тяньцзэ извращенное удовольствие:

— Если не можешь вернуть деньги, по закону мне придется отправить тебя в тюрьму.

— Даю тебе одну ночь на раздумья.

С этими словами Чу Тяньцзэ улыбнулся, словно дьявол, празднующий победу над захваченной территорией.

Он вышел из комнаты.

Воздух в помещении снова стал тяжелым и удушливым.

Ночь пролетела быстро.

На следующее утро, когда Чу Тяньцзэ собирался на работу, он получил ответ через слуг.

Шань Ли решил сдаться.

Чу Тяньцзэ пребывал в отличном настроении. Сияя от самодовольства, он вернулся домой раньше семи часов, надеясь, как в былые сладкие времена, застать Шань Ли на диване с накрытым столом.

Но его ожидания не оправдались.

Вернувшись, он снова столкнулся с холодным, пустым холлом.

Чу Тяньцзэ замер на секунду. Его прекрасное настроение испарилось. С мрачным видом он поднялся наверх и с ноги распахнул дверь в спальню:

— Готовь ужин! — скомандовал он ледяным тоном.

Шань Ли посмотрел на него и приоткрыл рот:

— В договоре о содержании есть и этот пункт?

Конечно, такого пункта не было.

Он думал, что если Шань Ли просто покорится, а он добавит пару ласковых слов, всё вернется на круги своя. Но, глядя на него сейчас, он понял, что ошибся.

В конце концов, это всего лишь замена, Шань Ли не заслуживает его нежности!

Чу Тяньцзэ пришел в ярость, на его губах заиграла злобная улыбка:

— Такого пункта нет, зато есть другой: ты обязан в любое время удовлетворять желания своего нанимателя.

Он наклонился, и его горячее дыхание обожгло шею Шань Ли. Голос прозвучал хрипло:

— Я хочу тебя.

Не успел он договорить, как разорвал на Шань Ли мешавшую одежду и, не церемонясь, вошел в него...

Всю ночь.

Как бы Шань Ли ни кричал и ни молил, Чу Тяньцзэ не проявил к нему ни капли жалости.

Всю ночь.

Как бы Шань Ли ни кричал и ни молил, Чу Тяньцзэ не проявил к нему ни капли жалости.

На следующее утро у Шань Ли, разумеется, поднялась температура.

Лицо юноши горело, дыхание было прерывистым, он впал в забытие.

Чу Тяньцзэ приказал дворецкому вызвать личного врача.

После осмотра врач покраснел и, заикаясь, произнес:

— У пациента... воспаление. И, пожалуйста, в будущем не оставляйте ничего внутри после акта, это очень вредно для него.

Чу Тяньцзэ понял намек, и его лицо потемнело:

— Откуда ты знаешь? Ты его трогал?

Врач лишь беспомощно вздохнул, объяснил ситуацию и перед уходом оставил жаропонижающее и мазь от воспаления.

Чу Тяньцзэ приказал всем выйти. Он смотрел на пылающее в темноте лицо Шань Ли, и в его душе боролись противоречивые чувства.

Шань Ли болел еще неделю, прежде чем полностью поправился.

У Чу Тяньцзэ проснулась совесть, и в этот период он его не трогал, хотя всё еще время от времени заставлял готовить еду.

Тем временем Цзюйхуа Лин, не желая сидеть без дела, подстрекал хозяина надеть на голову Чу Тяньцзэ мешок и хорошенько его поколотить. Шань Ли лишь усмехнулся, не дав ни согласия, ни отказа.

— Хозяин, если в это время Чу Тяньцзэ решит обмануть тебя, чтобы ты его простил, ты простишь?

Шань Ли опустил веки, и в его глазах промелькнула тень:

— Придется простить. Иначе, когда вернется его Белый Свет, ситуация станет еще хуже.

Он постучал пальцами по столу, глядя в окно. Пора было найти время и разузнать о прошлом прежнего владельца тела.

Чу Тяньцзэ в последнее время был не в своей тарелке: даже эффективность работы с документами резко упала. Помощник рискнул спросить:

— Господин, вас что-то беспокоит?

Чу Тяньцзэ помрачнел:

— Ты помнишь человека по имени Шань Ли?

— Да, помню.

— Он похож на тех, кто приближается ко мне ради выгоды?

Помощник задумался и ответил честно:

— В дождливую ночь, когда вы встретились, казалось, что у него есть скрытые мотивы. Но потом вы видели, как над ним издеваются. Возвращаясь домой, он хоть раз упоминал об этом?

Чу Тяньцзэ ответил:

— Нет.

Если бы он сам не заговорил об этом первым, Шань Ли, вероятно, унес бы это в могилу.

— А как он отреагировал, когда вы показали ему договор?

Чу Тяньцзэ припомнил:

— Кажется, он не хотел его принимать. Он был очень... разочарован.

Помощник заметил:

— Значит, вряд ли он приближался к вам ради выгоды.

Помощник добавил еще несколько слов, и в голове Чу Тяньцзэ возник сумбур. Он махнул рукой, отпуская его.

Чу Тяньцзэ по привычке ушел с работы пораньше. Вспомнив слова помощника, он впервые в жизни решил пойти на уступку: приказал повару приготовить еду и принести её Шань Ли.

Шань Ли всё еще не хотел разговаривать с ним, лишь молча ел, не обращая внимания на действия Чу Тяньцзэ.

Тот в этот раз не разозлился, а просто тихо наблюдал за ним.

Прошло несколько дней. Отношения не стали идеальными, но атмосфера перестала быть такой ледяной.

Зная, что помощник женат, Чу Тяньцзэ решил спросить у него совета.

Тот предложил:

— Господин, вы могли бы куда-нибудь его свозить или приготовить ему еду сами.

Первое предложение Чу Тяньцзэ одобрил, но второе заставило его нахмуриться:

— Как я могу готовить ему еду?

Чу Тяньцзэ считал эту идею абсурдной.

Не говоря уже о его статусе, если бы он и стал готовить, то только для Чэн Чэня, которого по-настоящему любил, а не для Шань Ли.

Шань Ли был лишь маленьким актером, которого он содержал.

Помощник замаялся, решив, что это мужское эго босса мешает ему, и вздохнул:

— Если вы не хотите, достаточно просто сделать вид. Остальное я устрою.

Чу Тяньцзэ немного смягчился.

План помощника состоял в том, чтобы вызвать у Шань Ли жалость к Чу Тяньцзэ. Поскольку сам босс не хотел стоять у плиты, помощник нанял гримера, чтобы тот нарисовал на руках Чу Тяньцзэ следы ожогов, а сам приготовил простое блюдо, которое тот «приготовил» лично.

Чу Тяньцзэ поднялся с подносом в комнату, стараясь выглядеть мягче, и невзначай продемонстрировал свои «обожженные» руки.

И правда, взгляд Шань Ли тут же приковало к ранам. Его рука дрогнула, он хотел коснуться поврежденной кожи, но Чу Тяньцзэ незаметно убрал руку.

— Ешь, чтобы быстрее поправиться.

Шань Ли смотрел, как Чу Тяньцзэ прячет руки за спину, и машинально проглатывал еду.

Как только Чу Тяньцзэ ушел и закрыл дверь, Шань Ли мгновенно сбросил маску: его взгляд стал холодным и презрительным.

Он посмотрел на тарелку и усмехнулся:

— Даже на имитацию усилий не хватило.

Отправив еду в утиль через Систему, Шань Ли спустился вниз и столкнулся с помощником.

Тот явно ждал его. Увидев Шань Ли, он улыбнулся.

Шань Ли подошел ближе и склонил голову, так что пряди волос скрыли его глаза, не давая помощнику разглядеть выражение лица.

— Это Тяньцзэ... он сам готовил?

Помощник решил, что тот сомневается, и активно подыграл:

— Да, господин Шань. Пожалуйста, простите господина за то, что он сделал раньше. Он действительно очень заботится о вас, просто он никогда раньше никого не любил и ведет себя слишком радикально.

— Правда?

Шань Ли улыбнулся, и его прекрасные глаза засияли в лучах заката.

Помощник невольно кивнул:

— Правда.

Улыбка Шань Ли тут же погасла. Он не мигая смотрел на него некоторое время, а затем беззвучно произнес:

«Лжец. Еда, которую готовит Чу Тяньцзэ, ведь совсем другая, правда?»

Помощнику стало холодно от этого взгляда. Придя домой, он долго не мог понять, что его так встревожило. Спустя несколько дней, позвонив Чу Тяньцзэ, он задал вопрос, от которого его прошиб холодный пот:

— Господин, вы... умеете готовить?

— Умею. Я три года учился кулинарии ради одного человека.

Кем был этот человек, помощник боялся даже представить.

Так отношения Шань Ли и Чу Тяньцзэ постепенно наладились.

Шань Ли, казалось, принял условия игры: больше не сопротивлялся и не проявлял враждебности. Чу Тяньцзэ успокоился и, как советовал помощник, время от времени начал вывозить Шань Ли на прогулки.

Что касается работы Шань Ли, то если тот сам не просил, Чу Тяньцзэ никогда не предлагал помощь.

Постепенно Чу Тяньцзэ понял: этот маленький питомец, который ждет его с работы, разминает плечи и готовит ужин, приближается к нему не ради выгоды или статуса.

А из-за любви и обожания.

Нельзя отрицать, что Чу Тяньцзэ нравилось это чистое, незапятнанное слово.

Постепенно Чу Тяньцзэ понял: этот маленький питомец, который ждет его с работы, разминает плечи и готовит ужин, приближается к нему не ради выгоды или статуса.

А из-за любви и обожания.

Нельзя отрицать, что Чу Тяньцзэ нравилось это чистое, незапятнанное слово.

Он решил: пока Чэн Чэнь не вернулся к нему, он будет хорошо относиться к Шань Ли.

После того как отношения изменились, Шань Ли решил лично разузнать о происхождении прежнего владельца тела.

Полагаться на детективов было бесполезно: во-первых, у него не было денег, а во-вторых, в этом вымышленном мире, скованном правилами, сами правила не позволили бы детективу легко разузнать правду о главном герое. Даже если бы Чу Тяньцзэ нанял кого-то, он не нашел бы ничего полезного.

Поэтому Шань Ли, будучи своего рода багом системы, должен был действовать сам.

Первую цель для расследования подсказала Система Цзюйхуа Лин.

Место находилось в отдаленном старом районе города S.

Не имея никаких воспоминаний прежнего хозяина, Шань Ли мог лишь бродить среди жителей старого района, надеясь, что кто-то из знакомых узнает его.

И, к его удивлению, это сработало.

Одна старушка назвала его по имени и пригласила в гости. В разговоре она рассказала много историй из детства Шань Ли.

Всё, что хотел знать Шань Ли, он узнал от нее.

Они проговорили до самого заката, после чего Шань Ли с неохотой ушел, пообещав вернуться завтра.

Через несколько дней он знал всё, что было нужно.

Покинув старый район, он с глубокой, загадочной улыбкой направился в детективное агентство.

Шань Ли отдал все свои сто тысяч, чтобы детективы начали следить за Чэн Чэнем.

Он знал, что правила не позволят им узнать истинное происхождение Чэн Чэня, но это было неважно. Ему нужно было лишь понять, как тот познакомился с Чу Тяньцзэ.

— Через месяц мы отправим вам все результаты на электронную почту.

Шань Ли изогнул губы в улыбке, его прекрасное лицо наполовину скрылось в тени, а темные глаза слегка сузились:

— Хорошо. Мое единственное условие: никто не должен узнать, что я интересовался Чэн Чэнем.

Детектив замер, а затем пообещал, что личность заказчика останется в тайне.

Закончив с этим, Шань Ли вернулся на виллу.

Чу Тяньцзэ обычно возвращался к семи-восьми часам, так что, даже придя в пять, у Шань Ли было достаточно времени, чтобы подготовиться и сыграть роль идеального питомца.

Сегодня Чу Тяньцзэ вернулся, как обычно, в восемь. Глядя на юношу, сидящего в теплом свете ламп, он вдруг почувствовал, что тот как-то изменился, но не стал углубляться в мысли и, подойдя, заключил его в объятия.

— Что случилось?

Шань Ли в его руках улыбнулся еще более загадочно и маняще:

— Чу Тяньцзэ, ты любишь меня?

<http://bllate.org/book/21501/2203380>